

БАРТАБИ КАК СИМВОЛ СОПРОТИВЛЕНИЯ: К ПРОБЛЕМЕ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ПОЛИТИЧЕСКОГО СУБЪЕКТА

Олег Горяинов¹

Abstract

In this article the modern philosophical conceptions of subjectivity are analyzed in the political-ontological aspect as a basis of resistance in society of the late capitalism. Bartleby, the main character of the novel by G. Melville becomes the main symbol of resistance, and philosophical implications of this figure are identified as the methodological conditions which must be taken into account in order to overcome the barriers that were posed by Louis Althusser in his theory of ideology.

Keywords: subjectivity, resistance, Bartleby, Agamben.

Определяя место и значение наследия Луи Альтюссера, Ален Бадью показал, что одним из двух центральных вопросов современных исследований является поиск у Альтюссера теории субъекта.² Хотя сам Бадью на данный вопрос отвечает, что у Альтюссера «нет и не может быть теории субъекта»³, следует принимать во внимание контекст данного утверждения. Субъект Альтюссера – это субъект идеологии, и все возможные конструкции субъективности суть продолжение и следствие его теории идеологии, проект которой был намечен в работе *Идеология и идеологические аппараты государства*.

Тезис, согласно которому индивид всегда-уже является субъектом, а сам субъект представляет собой идеологическую конструкцию, явился точкой отсчёта для целого ряда исследований политического субъекта в рамках неомарксистской философии. Самым интересным, но одновременно и самым загадочным положением Альтюссера является утверждение возможности субъекта распознать себя как субъекта идеологии. С одной стороны, «идеология всегда-уже обращается

¹ Олег Горяинов – кандидат юридических наук, доцент кафедры теории и истории государства и права, старший научный сотрудник лаборатории историко-правовых исследований Самарской государственной областной академии (Наяновой) (г. Самара, Российская Федерация).

² См.: Бадью А. Альтюссер: субъективное без субъекта // *Мета/Политика: можно ли мыслить политику? Краткий трактат по метаполитике*. Перев. с франц.: Б. Скуратов, К. Голубович. М.: Логос, 2005. С. 144.

³ Бадью, указ. соч., с. 145.

к индивидам как к субъектам, что значит, что индивидуумы всегда уже обращены идеологией в субъектов, и это ведёт нас к последнему утверждению: индивидуумы всегда-уже являются субъектами»⁴. Но, с другой стороны, Альтюссер утверждает, что «нужно оказаться вне идеологии, то есть в научном знании, чтобы можно было сказать: “Я пребываю в идеологии”»⁵. Исходя из этих положений, вопрос, следовательно, может быть поставлен так: кто это «я», которое распознаёт себя в качестве субъекта идеологии? Представляет ли это «я», этот «субъект науки», своего рода анти-субъекта или альтернативную модель субъективности? Не является ли тогда тот, кто распознаёт себя в качестве «всегда-уже субъекта идеологии», тем, кто и может быть современным политическим субъектом?

Если выйти за рамки работ самого Альтюссера (однако, обязательно имея в виду те теоретические условия и препятствия, которые они ставят перед исследователем, утверждая, что «субъект суть всегда-уже субъект идеологии»), то вопрос должен быть поставлен следующим образом. Как возможно разрешить противоречие, возникающее из попыток определения современного политического субъекта, если всякая субъективность должна сама ставиться под вопрос как субъективность, заведомо идеологически детерминированная? Не следует ли тогда перевернуть проблему и задаться вопросом о способах десубъективации как процесса выхода из замкнутого круга идеологической обусловленности?

В рамках настоящей статьи будет предложено одно из возможных направлений подобного исследования. Центральной фигурой этого направления станет персонаж новеллы Германа Мелвилла *Писец Бартлби*. Однако для обоснования данного аргумента предстоит (1) сначала обратиться к анализу условий современных типов субъективности, связываемых с неолиберальной парадигмой управления обществом и понятием «человек экономический»; (2) затем подвергнуть критике конструкцию политического субъекта, понимаемого в модусе «множества», в работах А. Негри и М. Хардта; (3) и, наконец, перейти к определению специфических черт фигуры Бартлби в современной политической философии, которые должны будут предстать в качестве методологических предпосылок анализа радикальных концепций политического субъекта.

«Человек экономический» как основание современных типов субъективности

Курсы лекций Мишеля Фуко *Безопасность, территория, население* (1977–1978) и *Рождение биополитики* (1978–1979)⁶ представ-

⁴ Альтюссер А. Идеология и идеологические аппараты государства (заметки для исследования) // *Неприкосновенный запас*. 2011. № 3. С. 51.

⁵ Альтюссер, указ. соч., с. 50.

⁶ См.: Фуко М. *Безопасность, территория, население. Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1977–1978 учебном году*. Перев. с франц. В.Ю. Быстрова, Н.В. Сулова, А.В. Шестакова. СПб: Наука,

ляют собой скрупулёзный анализ форм субъективности, конституированных современными формами (нео)либерализма. Анализ работ этого периода позволяет сделать вывод, что необходимый для современного общества тип поведения задан логикой специфической активности, выражающейся в модели субъекта действия. И если на уровне политической критики современный субъект часто понимается в модусе пассивности и в терминах «массовой деполитизации»⁷, то следует признать, что пассивность в политическом действии в полной мере компенсируется активностью в иных, внеполитических, практиках, предлагаемых и навязываемых обществом позднего капитализма. Более того, именно во второй половине XX века зарождаются такие техники управления и истекающие отсюда типы субъективности, которые органично сочетают, с одной стороны, конформизм, а с другой – повышенную активность. Имя подобному актору – *homo economicus*, «человек экономический». Причём Фуко предлагает различать «человека экономического» в классическом смысле слова – как субъекта либерализма – и «человека экономического» как субъекта неолиберализма, между которыми, как он показывает, обнаруживается разрыв.

Если классический субъект либерализма – это субъект своего собственного интереса, эффективность реализации и удовлетворения которого зависела от минимума вмешательства со стороны государства (принцип *laisser-faire*), то субъект неолиберализма вписан в практики управления, так как сами эти практики имеют экономическую природу.

«Человек экономический оказывается помещён в то, что можно было бы назвать бесконечным полем имманенции, связывающее его, с одной стороны, в форме зависимости с целым рядом случайностей, а с другой – в форме производства с выгодой других, или же связывающее его выгоду с производством других. ... Таким образом, *homo economicus* подвергается тому, что можно было бы назвать невольным удвоением: зависящим от случайностей, которые его настигают, и от выгоды, которую он производит для других, вовсе не стремясь к этому. Кроме того, он подвергается бесконечному удвоению, поскольку, с одной стороны, случайности, от которых зависит интерес, относятся к области, которую нельзя ни обозреть, ни подвергнуть подсчёту, а с другой – выгода, которую он произведёт для других, производя свою собственную, также бесконечна, потому что не подлежит учёту».⁸

2011; Фуко М. *Рождение биополитики. Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1978–1979 учебном году*. Перев. с фр. А.В. Дьякова. СПб: Наука, 2010.

⁷ Пензин А. Формирование новых политических субъективностей: между «тоской» и изобретением общей жизни // *Художественный журнал*. 2009. № 75/76.

⁸ Фуко, *Рождение биополитики*, указ. соч., с. 345–346.

Активность субъекта неолиберализма задана полем имманенции настолько, что различие импульсов и мотивов поведения становится практически невозможным. Это уже не вопрос самостоятельного воления и не проблема влияния извне. Скорее уместно говорить о силовых потоках внутри социального пространства, которые задают понимание активности и действенности в иных, отличных от традиционных (субъект-объект) установках. В связи с этим становится более понятным (на первый взгляд, кажущееся лишь терминологическим) различие, предлагаемое Фуко, субъекта либерализма как партнёра (участника) социального обмена и субъекта неолиберализма как антрепренёра. Если партнёр есть тот, чья активность задана некоторым центром (или на него ориентируется), то активность антрепренёра (в терминах Фуко, «антрепренёра самому себе»⁹) заведомо не определена с точки зрения направленности. Таким образом, формируется субъект действенности, лишившейся адресата и замкнувшейся на саму себя. «Человек экономический» в неолиберальной перспективе представляет такую модальность субъективности, которая не только предполагает активность, но требует её, однако не допускает того, чтобы субъектная активность могла стать причиной каких-либо системных изменений. Поскольку «*homo economicus* – это единственный островок возможной рациональности в экономическом процессе, неконтролируемый характер которого не осуждается, но, напротив, [который] обосновывает рациональность атомистического поведения *homo economicus*», и поскольку «экономический мир (а следовательно, и всякий мир вообще. – О. Г.) по своей природе непрозрачен»¹⁰, то именно эти «неконтролируемость» и «непрозрачность» становятся условиями и характеристиками пространства, внутри которого формируются новые типы субъективности. Субъективности, согласно которым чем больше активности и действий предпринимается, тем прочнее становится сама порождающая их структура.

Исследования Фуко «человека экономического» нашли своё продолжение в недавней работе Кристиана Лаваль *Человек экономический*. Лаваль филигранно и поэтапно реконструирует модель понимания современного человека не как результат политического или экономического (или политэкономического) «сговора», но как наследие антропологической модели, прочно укоренённой в классических работах эпохи Просвещения. Лаваль доказывает, что «человек экономический» представляет собой не новую политэкономии субъективности, но новую онтологию, связывая этические, политические, теологические и экономические нити в один узел. Примечательно, что лейтмотивом всего исследования становится понятие «интереса» и проистекающее из него понятие «деятельности». Они описываются уже не как рядовые характеристики «человека экономического», но как совершенно особый модус суще-

⁹ Фуко, *Рождение биополитики*, указ. соч., с. 285.

¹⁰ Там же, с. 351.

ствования: «его (человека. – О. Г.) способности, знания, разум – всё призывает к деятельности, или, скажем, лучше – к человеческой индустрии. *Индустриальность* становится основным параметром человеческой жизни, а все прочие определения и качества бытия человека постепенно исчезают»¹¹. И дело не только в активности, органично сплетённой с понятиями «интереса» или «индустриальности», а в выявлении той роли, которую она играет. Так, на примере трудов Гельвеция Лаваль показывает, что

«задача не в том, чтобы проанализировать равновесие страстей и интересов, а в том, чтобы найти необходимое количество энергии страстей, чтобы придать движение нравственному и политическому миру. Мы переходим от механики к энергетике»¹².

Цель – не равновесие системы, но её движение. Метод – не механика с векторной определённой направленности, но энергетика, предполагающая движение независимо от направленности частей. Различие в страстях, интересах, мотивах может влиять на интенсивность движения, но не на само движение; оно (это различие) не может поставить его (движение) под вопрос. «Человек экономический» становится тем местом современной (политической) философии, границы которого позволяют поставить под вопрос любое движение, в том числе и движение сопротивления.

Субъект политического действия у Антонио Негри и Майкла Хардта

Работы современного неомарксистского философа Антонио Негри предлагают не только анализ особенностей социального пространства позднего капитализма, но и интересную конструкцию политического субъекта, определяемого в модусе множества. Центральный вопрос для Негри: «Как массы (множества. – О. Г.) могут стать политическим субъектом в условиях Империи?»¹³ Понятие «множество», предлагаемое Негри, особенно значимо по той причине, что субъективность из негативного понятия как продукта общества позднего капитализма превращается в позитивное понятие субъекта сопротивления.

Особенности понимания субъективности у авторов *Империи* определяются спецификой анализа понятия суверенитета, и в част-

¹¹ Лаваль К. *Человек экономический. Эссе о происхождении неолиберализма*. Перев. с франц. С. Рындина. М.: НЛО, 2010. С. 137.

¹² Лаваль, указ. соч., с. 153.

¹³ Хардт М., Негри А. *Империя*. Перев. с англ., под ред. Г.В. Каменской, М.С. Фетисова. М.: Праксис, 2004. С. 362. Уточнение в процитированном фрагменте понятия «масс» как «множества» связано со сложностями перевода понятия *multitude* на русский язык. Ср.: «Негри специально различает “множества” и “массы”, относя последние к модерной эпохе индустриального дисциплинарного труда»; см.: Пензин А. «Революционное чудовище»: понятие множества в философии Антонио Негри // *Синий диван*. 2004. № 5. С. 52.

ности анализа его топографической составляющей. Одним из основных тезисов Негри и Хардта является понимание суверенитета не в терминах установления границ, но в категориях преодоления и размывания определённости всяких границ, в том числе и географических.

«Империя не укрепляет свои границы для того, чтобы оттолкнуть других, но, скорее, втягивает их в свой миролюбивый порядок подобно мощному водовороту. Скрывая линии разделения и различия или пренебрегая ими, Империя являет собой разновидность однородного пространства, по которому без значительного сопротивления или конфликта скользят субъективности».¹⁴

Особое внимание к топологической перспективе анализа позволяет Негри и Хардту сформулировать правомерно предостерегающий вопрос: «основной вопрос не в том, начнётся ли, и если да, то что к этому подтолкнёт, сопротивление или бунт, но скорее в том, как определить врага, против которого нужно бунтовать. ... Поскольку нет больше пространства, которое могло бы быть внешним, мы должны быть повсюду»¹⁵. Именно парадокс современной власти как власти вне своих границ задаёт новые координаты субъективности в категориях «бегства», «исхода» и «номадизма».

«Если в дисциплинарную эру важнейшим понятием сопротивления был *саботаж*, в эру имперского контроля им может стать *бегство*. Если “бытие-против” в период современности зачастую означало прямую и/или диалектическую противоположность сил, то в постсовременности “бытие-против” будет наиболее действенным в несимметричной или диагональной позиции. Битву с Империей можно выиграть, оставив поле сражения. Это не бегство куда-либо, это лишение власти её пространства»¹⁶.

Подобные утверждения вполне можно воспринимать как методологическую предпосылку, необходимую для адекватного анализа современных типов субъективности. И пока Негри и Хардт остаются на уровне анализа актуального положения дел, с ними сложно не согласиться, особенно по вопросу формирования нового способа восприятия и понимания феномена тела и телесности.¹⁷ Однако

¹⁴ Хардт, Негри, указ. соч., с. 189.

¹⁵ Там же, с. 200.

¹⁶ Там же, с. 201.

¹⁷ Ср.: «Сегодняшние процессы приобретения телами новых качеств составляют *антропологический исход* и представляют собой чрезвычайно важный, но всё ещё весьма двусмысленный элемент республиканской конфигурации, противостоящей имперской цивилизации. Антропологический исход важен в первую очередь потому, что именно здесь начинает появляться позитивное, конструктивное лицо мутации: онтологическая мутация в действии, реальное изобретение первой *новой локальности в а-локальном пространстве*. Эта творческая эволюция не просто занимает некую существующую локальность, но

когда они начинают обращать свой метод в позитивную программу, то складывается впечатление, что они противоречат своим же собственным установкам. В первую очередь речь идёт о потребности в асимметрии новых типов субъективности. Но Негри и Хардт заканчивают *Империю* положениями, недвусмысленно полагающими симметричность сопротивления и сопротивляющихся сторон.

«Формирование Империи есть не причина, а следствие возвышения этих новых сил. Поэтому не стоит удивляться тому, что Империя, несмотря на все свои усилия, оказывается неспособной к созданию правовой системы, адекватной новой реальности глобализации общественных и экономических отношений. ... Эта неспособность объясняется революционной природой масс, чья борьба и создала Империю в качестве собственного перевёрнутого образа».¹⁸

Дальше – больше:

«Действие масс становится политическим прежде всего в том случае, когда оно непосредственно и осознанно направлено против ключевых репрессивных операций Империи»¹⁹.

Субъект сопротивления как перевёрнутый образ, вынужденный сражаться с репрессивным аппаратом Империи, оказывается симметричным ответом на условия сегодняшнего дня. Анализ Негри и Хардта изменяет конфигурацию социального пространства с трансцендентализма на имманентизм, однако оставляет «множества» в рамках всё того же отношения – отношения симметричного ответа доминирующим силам.

В условиях позднего капитализма, характеризующегося разномысленным/реверсивным эффектом власти, уместно говорить не столько в терминах негативности/отрицания, но скорее в понятиях смены ритма/темпа/скорости. То есть, чтобы движение «множеств» стало действительно формой сопротивления доминирующему режиму, необходимо эти «множества» не перенаправить, а поставить под вопрос само движение/действие – не отменить его, но изменить его модальность.

Фигура Бартлби в политической философии Джорджо Агамбена и Жюль Делёза

В своей книге *Отрицательная революция* А. Магун осуществил объёмный и глубокий анализ философии негативности в контексте такого понятия и явления, как революция. В одной из глав он обратился к двум стратегиям политико-революционного действия, символом одного из которых выступила фигура Бартлби.

скорее изобретает новую; это желание, создающее новое тело; метаморфоза, разрушающая все натуралистические гомологии современности» (Хардт, Негри, указ. соч., с. 204).

¹⁸ Там же, с. 364.

¹⁹ Хардт, Негри, указ. соч., с. 368.

«В последние десятилетия многие представители политической философии неоднократно обращались к новелле Германа Мелвилла *Писец Бартлби*, главный персонаж которой на все призывы к действию отвечает: “Я не стал бы” (*I would prefer not to*). Такие мыслители, как Ж. Делёз, Ж. Деррида, Дж. Агамбен, А. Негри и М. Хардт, рассматривают фигуру Бартлби как пример практико-политической действительности критической позиции. ... Истинное бездействие настоящему *насильственно*; оно утверждает собственную утопию или контрutoпию абсолютного отрицания»²⁰.

Полностью соглашаясь с утверждением действенности и перспективности логики радикального отрицания, следует обратить внимание, что фигура Бартлби представляет собой символ совершенно иной политико-философской стратегии. Впрочем, это косвенно следует из работы самого Магуна, поскольку повествование продолжается не ссылками на новеллу Мелвилла, а анализом *Размышлений о насилии* Ж. Сореля и *Критики насилия* В. Бенямина, то есть работ и авторов, куда более подходящих для иллюстрации насильственности отрицания. Возвращаясь к Бартлби, важно показать, что эта фигура происходит из несколько иного «философского созвездия» (Агамбен), нежели идея «всеобщей стачки». Именно анализ Агамбена и Делёза позволяет схватить своеобразие и вскрыть революционный потенциал данного персонажа.

Бартлби появляется у Агамбена в контексте анализа проблематики потенциальности. Поэтому целесообразно обратиться сначала не к тексту *Бартлби*, или *О случайности*, а к статье *О потенциальности*, которую можно воспринимать в качестве пролога к нему. Агамбен отталкивается от трактатов Аристотеля *Метафизика* и *О душе*, чтобы указать на истоки темы, которая раскрывается через оппозицию потенциального и актуального (*dynamis* и *energeia*), и формулирует основной вопрос следующим образом: «что я имею в виду, когда говорю “я могу, я не могу”?»²¹ Подобный вопрос берёт своё начало в рассуждениях Аристотеля о потенциальности (в русском переводе – о возможности). В частности, в следующих положениях из 5-й главы трактата *О душе* говорится:

«Ясно, что способность ощущать не есть нечто в действии (*energeia*), а есть только нечто сущее в возможности. ... Так как об ощущающем мы говорим в двух значениях, то и об ощущении говорится в двух значениях – об ощущении в возможности и об ощущении в действии; подобным образом и ощущаемое может быть ощущаемым в возможности и в действии»²².

²⁰ Магун А.В. *Отрицательная революция: к деконструкции политического субъекта*. СПб.: Изд-во Европ. универс. в С.-Петербурге, 2008. С. 168.

²¹ Agamben G. On Potentiality // *Potentialities. Collected Essays in Philosophy*. Stanford University Press, 1999. P. 177.

²² Аристотель. *О душе* // Аристотель. *Сочинения в четырех томах*. Т. 1. М.: Мысль, 1975. С. 405.

Проблематичность прояснения отношения между действительным и возможным признаёт и сам Аристотель, когда указывает, что «нужно также более подробно определить способность или возможность (*dynamis*) и действительность (*entelecheia*)»²³.

Пытаясь понять значение следующего положения из *Метафизики*, а именно: «способность всегда бывает к тому же и в том же отношении, что и неспособность»²⁴, – Агамбен утверждает следующее:

«Быть потенциальным значит быть чьей-либо нехваткой, *быть в отношении с чьей-либо неспособностью*. Люди, которые существуют в модусе потенциальности, *обладают способностью собственной непотенциальности* (*impotentiality*), и только таким образом они становятся потенциальными. Они *могут*, потому что они находятся в отношении с собственным не-существованием (*non-Being*). В состоянии потенциальности ощущения находятся в отношениях с отсутствием чувствительности, знание с незнанием, зрение с тьмой»²⁵.

Далее Агамбен обращается к не менее двусмысленному и сложному утверждению Аристотеля: «То, что способно быть, может и быть и не быть, а значит, одно и то же способно и быть и не быть»²⁶. Агамбен комментирует это положение так:

«Всякое человеческое могущество суть *adynamia*, непотенциальность (*impotentiality*); всякая человеческая потенциальность находится в отношении с собственной нехваткой. Здесь проявляются истоки (и бездна) человеческого могущества, которое столь стремительно и безгранично по отношению к другим живым существам. Другие живые существа обладают способностью лишь к определённой потенциальности; они могут делать это или то. Но человек – это животное, которое обладает способностью к собственной непотенциальности. Величие человеческой потенциальности измеряется бездной человеческой непотенциальности»²⁷.

Непотенциальность (*impotentiality*) как способность к *не* – не быть, не действовать, не писать – оказывается не формой не-существования, но способностью устанавливать связь со своим не-существованием. Не пассивность в результате лишения чего-либо, но способность к осознанию значимости своей пассивности, не будучи лишённым чего-либо. Непотенциальность – не как отрицание потенциальности, но как самодостаточный модус бытия. Именно в этом контексте Бартаби интересует Агамбена. Для него Бартаби не пример «радикального отрицания» (Магун), но символ, указывающий на сущностную человеческую способность – способность не (быть/делать/писать и т. д.).

²³ Аристотель, указ. соч., с. 406.

²⁴ Аристотель. *Метафизика* // Аристотель, указ. соч., т. 1, с. 235.

²⁵ Agamben, op. cit., p. 182.

²⁶ Аристотель, *Метафизика*, указ. соч., с. 247.

²⁷ Agamben, op. cit., p. 182.

«Наша этическая традиция зачастую стремится избежать проблемы потенциальности, редуцируя её до понятий воли и необходимости. Не то, что ты *можешь* делать, но что ты *хочешь* или *должен* делать становится определяющим мотивом. ... Но потенциальность не есть воля, а непотенциальность – это не необходимость. ... Вера в то, что воля обладает властью над потенциальностью, что переход к актуальности есть результат решения, которое кладёт конец неопределённости потенциальности (которая всегда суть потенциальность делать или не делать), – вот извечная иллюзия морали».²⁸

Приведённая выше цитата показывает, что интерес Агамбена к теме потенциальности имеет не только онтологическое значение, но и вполне очевидное политическое. Обращение к фигуре Бартлби делает возможным для Агамбена актуализацию своей концепции потенциальности в радикальном политико-философском ключе. Интерес к персонажу Мелвилла позволяет выстроить целую антропологическую модель, альтернативную доминирующей в настоящее время, характерными чертами которой можно выделить следующие. *Во-первых*, фигура Бартлби олицетворяет такой тип субъективности, успешность и действенность которого совершенно не зависят от желания или воли.

«Бартлби преуспевает в том, чтобы быть способным (и не быть способным), совершенно того не желая. Отсюда вытекает непреодолимость его “I would prefer not to”. Дело не в том, что он не хочет копировать документы или не хочет покидать офис; он просто-напросто предпочитает не (*not to*). Формула, которую он упрямо повторяет, разрушает всякую возможность выстраивания отношения между состоянием способности (к чему-то) и волеием, между *potential absoluta* и *potential ordinata*. Это и есть формула потенциальности».²⁹

Во-вторых, Бартлби, по Агамбену, не может быть прочитан как субъект отрицания.

«Бартлби не соглашается, но в равной мере он и не отказывается делать то, что его просят; нет ничего более далёкого от него, чем героический пафос отрицания».³⁰

Таким образом, для Агамбена Бартлби становится символом сопротивления традиционной картине мира, центрированной на оппозиции воля/необходимость, которая исключает проблематику потенциальности как таковую. Если всё есть вопрос волеия, то всегда предполагается выбор между «да» или «нет», исключающий нечто третье. Если всё определяется через необходимость, то действие/мысль заранее уже включены в некоторую парадигму согласия или отрицания. Потенциальность для Агамбена, наиболее ярко воплощённая в фигуре Бартлби, становится новым

²⁸ Agamben G. Bartleby, or On Contingency // *Potentialities*, op. cit., p. 254.

²⁹ Agamben, *Bartleby or On Contingency*, op. cit., p. 255.

³⁰ Ibid., p. 256.

горизонтом онтологического, бытийственного, статуса человека. Если в работах начала 1990-х (*О потенциальности, Бартлби, или О случайности*³¹, отдельные главы монографии *Грядущее сообщество*) анализ Агамбена носил строго философский характер, то в своих последних на настоящий момент текстах он уже иначе составляет акценты, указывая на политические ставки, казалось бы, сугубо философской проблематики. Так, в сборнике *Nudities* (2009) в главе под названием *О том, что мы можем не делать* Агамбен приходит к достаточно радикальному утверждению, которое не только продолжает его мысль начала 1990-х, но и вступает в прямую полемику с фигурой *homo economicus*:

«Ничто не обедняет нас настолько и не делает менее свободными, чем разрыв с непотенциальностью. Те, кто отделены от того, что они могут делать, могут, однако, сопротивляться; они всё ещё могут не делать. Те же, кто отделён от своей непотенциальности, утрачивает в первую очередь способность к сопротивлению»³².

Однако следует признать, что потенциальность у Агамбена функционирует на уровне несколько иллюзорного концепта, безусловно, значимого, но не совсем определённого с точки зрения более конкретных (политических) выводов.

В несколько ином ключе – как стратегия политического сопротивления – фигура Бартлби получила рассмотрение в последней книге Жюль Делёза *Критика и клиника*. Помимо философско-литературоведческого интереса, связанного с грамматическими особенностями фразы «*I would prefer not to*», текст Мелвилла, проанализированный Делёзом в главе «Бартлби, или Формула», оказывается помимо прочего и примером конструктивного ускользания от различных типов социальной (политической) обусловленности и вовлечённости.

«Формула *I PREFER NOT TO* ... обнаруживает участок неопределённости, где слова больше не различаются, наполняет язык пустотой. Но вместе с тем она расчленяет речевые акты, благодаря которым хозяин может командовать, доброжелательный друг – задавать вопросы, честный человек – обещать. Если бы Бартлби отказывался, его можно было бы счесть мятежником или бунтовщиком и в этом качестве наделять социальной ролью. Но его формула расчленяет всякий речевой акт, превращая Бартлби в сущего изгоя, который не может быть приписан ни к одной социальной категории. ... (В)се надежды привести Бартлби к благоразумию рушатся, поскольку они зиждутся на *логике предпосылок*, согласно которой хозяин “ждёт”, что его будут слушаться, а доброжелательный друг – что его выслушают, тогда как Бартлби при-

³¹ Речь идёт о книге Дж. Агамбена (совм. с Делёзом) *Bartleby, la formula della creazione* (Бартлби: формула создания, 1993), куда включён и текст Делёза *Бартлби, или Формула*. – Прим. ред.

³² Agamben G. *On What We Can not Do // Nudities*. Stanford University Press, 2011. P. 45.

думывает новую логику – логику предпочтения, которой вполне достаточно, чтобы подорвать предпосылки языка»³³.

То, что у Агамбена противопоставлялось определённости дихотомии воля/необходимость и определялось через понятие потенциальности, находит у Делёза выражение в логике предпочтения. Эта логика предполагает совершенно незнакомый для *homo oeconomicus* мотив предпочтения утраты/уменьшения, а не желание к приобретению/увеличению.

«Я предпочел бы скорее ничто, чем что-нибудь: не воля к ничто, а рост ничто воли»³⁴.

Эксплицированная из новеллы Мелвилла «логика предпочтения» указывает на тот тип субъективности, который становится подрывным для всех властных структур именно за счёт ускользания от определённости направленности всякого действия. Это уже не просто уклонение от определённости отрицания («нет», которое вписывается системой как ответ, на который заранее предусмотрена реакция), но уклонение от самого уклонения. Бартлби нарушает равновесие, вносит разрыв в причинно-следственную взаимосвязь социальной ткани, преуспевает в предпочтении того, что ещё невозможно помыслить. Замедляясь в своём действии, впадая в радикальную пассивность, Бартлби достигает таких скоростей, которых не в состоянии достичь «логика предпосылок».

Писец Бартлби Германа Мелвилла: варианты интерпретации

В книге *Быть и исполнять: проект театра в философской критике искусства* Кети Чухров противопоставила два типа потенциальности у Агамбена и Дёлеза.

«Потенция и потенциальность у Агамбена играют роль снятия самой интенции действовать, роль сомнения в результатах действия. ... Традиционно потенциальность понимается как средство подготовки действия. Агамбен отказывается от такой интерпретации потенциальности, у него потенциальность способна иметь самодостаточное значение, как нечто, не стремящееся претвориться в действие, но, напротив, рассматривающее любую акцидентальность как тщетность. ... В отличие от агамбеновской потенциальности, делёзовская потенциальность может быть понята как множество возможного; поэтому, с одной стороны, она остаётся потенциальностью как неосуществлённостью; с другой – нуждается в действии как в условии событийного прорыва множественности (возможного)»³⁵.

³³ Делёз Ж. Бартлби, или формула // *Критика и клиника*. Перев. с франц. О.Е. Волчек, С.А. Фокина. СПб.: Machina, 2002. С. 103.

³⁴ Там же, с. 100.

³⁵ Чухров К. *Быть и исполнять: проект театра в философской критике искусства*. СПб.: Изд-во Европ. универс., 2011. С. 124–125.

Трудно полностью согласиться с прочтением Чухров темы потенциальности у Агамбена. Тот факт, что для Агамбена непотенциальность (в терминах Чухров «импотенциальность») представляет собой условие свободы и освобождения от эффекта власти, делает очевидным её (непотенциальности) активистский заряд. Через недействие Агамбен добивается полноты свершения человеческой жизни. Потенциальность Агамбена не столько отрицает действие/активность, сколько ставит в зависимость от неё всякое действие/активность, т. е. переворачивает традиционную систему координат, в которой потенциальность подчинена как предпосылка активности/действенности. Дело не в том, чтобы застыть в состоянии «голой жизни», но в том, чтобы, используя знание своей потенциальности, способности к «голой жизни», найти новую стратегию сопротивления. В этой перспективе выводы Агамбена не противоречат размышлениям по тому же вопросу Делёза. Однако именно у Делёза появляется дихотомия, которая наиболее полно схватывает суть современной проблематики субъективности и продолжает «логику Бартлиби». Это дихотомия мажоритарности/миноритарности. Чухров определяет содержание данной оппозиции следующим образом.

«Мажоритарность – это статус, состояние, вектор вырывания из множества для того, чтобы его возглавить; миноритарность же оставляет право не только на бытие, но и на становление за всеми и каждым. ... Становиться миноритарным нужно не во имя подражания слабости, деградированности, обездоленности (или их эстетизации), а, напротив, во имя того, чтобы становиться и представлять посредством своего театра тем обездоленным, *которым искусство доступно вопреки их обездоленности*».³⁶

Однако далее Чухров продолжает настаивать на противопоставлении позиций Делёза и Агамбена – потенциальность как множество возможных действий *versus* потенциальность как застывание.

«Для Делёза потенциальность возможна только в форме реализации, исполнения – не как потенциальность застывания, неделания, остановки, а как потенциальность исполнить неисполнимое».³⁷

Но исполнение неисполнимого не противоречит потенциальности Агамбена. Напомним, что «величие – и одновременно бездна – человеческой потенциальности проявляется в первую очередь в потенциальности не действовать, в *потенциальности ко тьме*»³⁸. Бездна, «способность ко тьме», о которых пишет Агамбен, вполне могут быть прочитаны в терминах исполнения неисполнимого. С той лишь оговоркой, что, по Агамбену, достичь этого предела можно не через активность, но за счёт пассивности. Именно

³⁶ Чухров, указ. соч., с. 128, 129.

³⁷ Там же, с. 133.

³⁸ Agamben, *On Potentiality*, op. cit., p. 181.

понимание не-действия Бартлби не как чистой пассивности («всеобщая стачка» Сореля и т. д.), а как «исполнения неисполнимого» позволяет заново перечитать текст Мелвилла в модусе его политической составляющей.

«Бартлби был одним из тех людей, о которых ничего нельзя установить с точностью, разве что из документальных источников, а таковые в данном случае почти отсутствуют. ... Будь в его манере держаться хоть капля смущения, гнева, раздражительности или нахальства – словом, *будь в нём хоть что-то по-человечески понятное*, я бы, несомненно, вспылал и велел ему убираться с глаз долой. ... Я затворил дверь и снова подошёл к Бартлби. *Меня неудержимо тянуло испытать судьбу. ... Заподозрить Бартлби в безнравственности просто невысказано. ...* Впервые в жизни меня охватило *чувство тягостной, щемящей печали*. Раньше мне приходилось испытывать только нелишённую приятности грусть» (курсив мой. – О. Г.).³⁹

Приведённые выше цитаты из новеллы Мелвилла – одни из многих, которые позволяют увидеть в противостоянии/антагонизме рассказчика – Бартлби столкновение не только двух типов субъективностей («логика предпосылок» vs «логика предпочтений», по Делёзу), но и совершенную беспомощность и незащищённость субъективности рассказчика перед лицом субъективности, олицетворяемой Бартлби. Стратегия сопротивления Мелвилла очевидна настолько, что он уже в тексте самого рассказа указывает на иллюзорные попытки справиться с Бартлби при помощи опоры на традиционную оппозицию воли и необходимости: «В последующие дни я, когда выдавалась свободная минута, просматривал Эдвардса “О воле” и Пристли “О необходимости”»,⁴⁰ – говорит устами своего героя Мелвилл и окончательно раскрывает карты, указывает на предпосылки той западни, в которой оказался рассказчик. Это уже не пассивное сопротивление, но самая настоящая агамбеновская «бездна», которая гипнотизирует, манит и страшит. И эта бездна – неосознаваемая человеческая способность, способность как (не) потенциальность.

Анализ фигуры Бартлби не позволяет дать точное определение политического субъекта современности. Эта фигура значима, в первую очередь, с методологической точки зрения: анализ политического субъекта должен начинать с критики его онтологии. В первую очередь должны быть поставлены под сомнение пространственно-временные координаты, внутри которых располагаются современные субъективности.

Следует продолжить интенцию, заявленную Делёзом и Гваттари в *Тысяче плато*, и актуализировать концепт миноритарности, т. к. уже в нём заложены основы для критики онтологии, причём критики онтологии с политических позиций. Или, в терминах Аль-

³⁹ Мелвилл Г. Писец Бартлби. Уолл-стритская повесть // Мелвилл Г. *Собр. соч. в 3-х тт.* Т. 3. Л.: Худ. лит., 1988. С. 21–56.

⁴⁰ Мелвилл, указ. соч.

тюссера, критики философии (как идеологии) с позиции науки (как политики). Критика онтологии субъекта у Делёза и Гваттари продолжает интенцию, обнаруживаемую в новелле Мелвилла.

«Становление-миноритарным, или меньшинством, – политическое дело, апеллирующее ко всей деятельности власти, к активной микрополитике. Это противоположность макрополитики и – даже – Истории, где речь идёт о знании, как одержать победу над большинством или овладеть им. ... В отличие от истории, становление не мыслит в терминах прошлого и будущего. Становление-революционером остаётся безразличным к вопросам будущего и прошлого революции; оно проходит между ними».

Это о времени. Затем о пространстве.

«Важно не смешивать “миноритарное” как становление или процесс с “меньшинством” как совокупностью или состоянием. ... Мы ретерриторизуемся, или позволяем себе ретерриторизоваться, на меньшинстве как состоянии; но в становлении мы детерриторизуемся».⁴¹

Вероятно, что именно это направление мысли позволяет выйти за рамки порочного круга «субъекта как всегда-уже субъекта идеологии».

⁴¹ Делёз Ж., Гваттари Ф. *Тысяча плато: капитализм и шизофрения*. Перев. с франц. и послесл. Я.И. Свирского; науч. ред. В.Ю. Кузнецов. Екатеринбург: У-Фактория; М.: Астрель, 2010. С. 483–485.